

вынужден был ответить: «Я-то основал монастырь, но для жизненных нужд требуется трудиться, чтобы *продавать и покупать*»¹²⁴. Торговля афонских монахов приняла столь оживленный характер, что автор монастырского устава 1045 г. в негодовании восклицает: «Лавра в Карее стала рынком, а не монастырем. Стыжусь назвать ее именем лавры!»¹²⁵. И если местом основания монастыря Лазаря было избрано скрещение людных дорог¹²⁶, мы можем предполагать, что не последнюю роль в этом играли и его торговые интересы. Наконец, рыночные связи монастырских вотчин подтверждаются известным высказыванием Евстафия Солунского: «. . . каким способом и как долго можно сохранить зерно и в какое время можно продать его дороже; где можно найти другой его запас по надлежащей, или, что то же, по дешевой цене, чтобы. . . получить барыш и от этой покупки; какие возможны подобные же обороты относительно вина. . .»¹²⁷.

Это превращение вотчин в центры обмена на местах может быть объяснено широким распространением денежных отношений в империи. Историки приходят к выводу, что Византия в XI—XII вв. переживала расцвет провинциального ремесла и торговли¹²⁸, который объясняется увеличением товарной продукции, поставлявшейся как вотчинными, так и крестьянскими хозяйствами. Империя не знала той экономической замкнутости, которая заставляла на Западе страдать от голодовок целые районы, в то время как в соседних областях собирался богатый урожай. По сообщению Кекавмена, когда в одной из крепостей Великой Армении возникла потребность в хлебе, целый караван в тысячу ослов завез туда хлеб из других мест¹²⁹. Хорошо известно сообщение Михаила Атталиата о подводах, приходивших в Редесто и грузенных хлебом¹³⁰. Среди этих подвод были, разумеется, и крестьянские, а не только помещичьи. Превращение отдельных вотчин в центры обмена на местах было вызвано потребностью в создании рынков, близких к сельскохозяйственному производству. Любопытнейший пример в этом отношении приводит афонский устав 970 г. Многие жители афонского полуострова возделали поля, разбили виноградники и стали предлагать монахам торговать с ними¹³¹. Характерно, что в качестве причины такой торговой заинтересованности устав называет оторванность полуострова от материка. В данном случае тяга к созданию местного рынка объясняется попросту трудностями вывоза продуктов на рынки более обширные и ёмкие. Помехи для рыночных связей могла представлять не только удаленность сельских районов от крупных центров, но и недостаточная ёмкость рынка во многих провинциальных городах. Наши представления о византийском городе X—XII вв. серьезно изменились за последнее время, но тем не менее аграрный характер многих городских центров у большинства исследователей не вызывает сомнения.

Косвенным образом об этом могут свидетельствовать сады и виноградники, плотно окружавшие города. Кольцо виноградников так близко подходило к Янине, что Боэмунд, осаждавший город, смог по рвам,

¹²⁴ πωλῆσαι καὶ ἀγοράσαι. — Л а з а р ь, стр. 574. В.

¹²⁵ Ph. Meyer. Op. cit., S. 159, 21 (1045).

¹²⁶ Л а з а р ь, стр. 520.14.

¹²⁷ Сборник документов. . . , стр. 188.

¹²⁸ А. П. Каждан. Деревня и город. . . ; С. Лилев. За проникването и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 121—130.

¹²⁹ Strategicon, p. 26.25.

¹³⁰ Attaleiota, p. 201.20. См. А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 166.

¹³¹ Ph. Meyer. Op. cit., S. 106.20.